

УДК 81'272

Харитонова Е.В.

Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)

БИЛЕКТАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЛАГЕРНОЙ АНТИКУЛЬТУРЫ

E. Kharitonova

North-Eastern State University (Magadan)

BILECTAL LINGUISTIC PERSONALITY IN CONCENTRATION CAMPS CULTURE

Аннотация. Статья посвящена анализу специфической страты некодифицированного русского языка – лагерного социолекта, а также характера оказываемого им воздействия на языковую личность представителей лагерного субсоциума. Формирование русско-лагерной диглоссии рассматривается автором как закономерное явление, поскольку лагерный социолект стал естественным средством общения в неоднородной лагерной среде. В статье обосновываются причины возникновения русско-лагерной диглоссии, а также анализируется специфика языковой личности в условиях лагерной антикультуры.

Ключевые слова: языковая личность, социолект, диглоссия, лагерная антикультура, социолингвистика.

Abstract. The article deals with the specific stratum of substandard Russian language: camp social dialect. It also aims at analyzing the influence of camp social dialect on the lingual personality of the camp inmates. The formation of Russian-camp diglossia is viewed as a regular process, as camp social dialect became a natural means of communication among the camp dwellers. The reasons of camp social dialect formation and the specific nature of the lingual personality in camp culture are studied in the article.

Key words: lingual personality, social dialect, camp anticulture, social linguistics.

Не вызывает сомнений тот факт, что сегодня все языки без исключений, так же как и все созданные на их основе национальные культуры, находятся в процессе непрерывного взаимовлияния, в одних случаях дополняя и обогащая друг друга, в других – становясь, в некотором смысле, соперниками. В терминологии современной социолингвистики характер взаимодействия языков или подсистем одного языка описывается в рамках оппозиции сбалансированности – несбалансированности, в зависимости от того, являются ли языки или разновидности одного языка в функциональном отношении равнозначными или неравнозначными.

Объектом нашего изучения стал частный случай русско-“новоязной” диглоссии, спровоцированной повсеместным распространением в СССР системы так называемых исправительно-трудовых лагерей. Термин «диглоссия» был введен в научный обиход Ч. Фергюсоном, определившим его как специфическую языковую ситуацию, возникающую в случае распространения в отдельном коллективе нескольких разновидностей национального языка, выполняющих различные функции: «diglossia is a relatively stable language situation in which, in addition to the primary dialects of the language (which may include a standard or regional standards), there is a very divergent, highly codified (often grammatically more complex) superposed variety, the vehicle of a large and respected body of written literature, either of an earlier period or in another speech community, which is learned largely by formal education and is used for most

© Харитонова Е.В., 2013.

written and formal spoken purposes but is not used by any sector of the community for ordinary conversation» [12, p. 34-35]. Иными словами, диглоссия, в отличие от билингвизма, характерна для языковой ситуации, когда существующие подсистемы языка разделены по функциональному принципу (см. об этом подробнее: [2, с. 36-39]).

Причинами развития внутриязыковой диглоссии могут стать как внутренние, так и внешние факторы эволюции языка. По мнению Ю.В. Кобенко, общей причиной языкового сдвига становится неактуальность отдельных либо многих сегментов языкового механизма, препятствующая в той или иной мере полноценному функционированию языка в новых условиях [7, с. 89]. Примером такой неспособности к полноценному функционированию в изменившихся условиях может послужить русский язык в концентрационных лагерях, когда «язык воли» оказался неспособным передать особенности существования за колючей проволокой.

Анализ языкового материала русской лагерной прозы свидетельствует о том, что лагерный социолект выступил той языковой формой, которая в условиях лагерной антицивилизации приобрела ряд решающих преимуществ. Отличие лагерного социолекта от любого другого заключалось в том, что его носителями выступали представители всех социальных слоёв общества, тем самым создавая благоприятные условия для усиленного заимствования лексем из различных страт русского языка. Лагерный социолект стал языком-посредником, к которому прибегали как уголовники, так и учёные, писатели, художники, деятели искусства, военачальники, бытовики, рабочие, крестьяне, оказавшиеся узниками лагерей. Таким образом, для языковой ситуации, сложившейся в условиях исправительно-трудовых лагерей, характерна многокомпонентная структура, отражающая дифференциацию национального языка не только по территориальному принципу, но и по функциональной нагрузке.

Важно отметить, что русско-лагерная диглоссия – явление *вынужденное* (социально

обусловленное). По мнению Ю.В. Кобенко, ни языковая эволюция, ни развитие вообще невозможны без ориентира на конкретный язык, наделяемый атрибутом «более развитый» и в силу этого являющийся привлекательным для языка-реципиента [7, с. 89]. Разумеется, такие параметры, как «более развитый» или «привлекательный», неприемлемы для описания лагерного социолекта, который, тем не менее, в одних случаях оказывался более пригодным, а в других – попросту навязанным узникам лагерей. Лагерный язык обозначал реалии жизни заключённых, служил средством их общения, наконец, он во многом обеспечивал их деятельность. Формирование русско-лагерной диглоссии явилось закономерным, поскольку лагерный социолект стал естественным средством общения в неоднородной лагерной среде.

Переходя к рассмотрению специфики языковой личности в условиях лагерной антикультуры, коротко остановимся на понятии «языковая личность», а также на факторах, её формирующих.

Сегодня понятие **языковой личности** разработано в отечественной лингвистике достаточно глубоко. Не останавливаясь подробно на различных трактовках языковой личности, в интерпретации отдельных исследователей (см. об этом: [4, с. 24-32]), отметим вывод Д.В. Аникина, по мнению которого, в многочисленных определениях языковой личности, появившихся в 80-90 гг. XX в., различимы два магистральных направления: лингводидактика и лингвокультурология [1, с. 14]. В центре внимания лингводидактики находится индивид как совокупность речевых способностей (см., например, понятие языковой личности Ю.Н. Караулова: *языковая личность* – это «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определённой целевой направленностью» [6, с. 245]). Для лингвокультурологии, напротив, предметом исследования становятся национально-специфич-

ный прототип носителя определённого языка (близко к такому пониманию языковой личности определение В.И. Карасика: «языковая личность – обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [5, с. 22]).

Интересно отметить, что в монографии Ю.Н. Караулова присутствует и иное понимание феномена языковой личности, более характерное для лингвокультурологического подхода: «Структуру языковой личности можно рассматривать ... как складывающуюся из трёх уровней. Уровни эти таковы:

- вербально-семантический, или лексикон личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности;
- лингво-когнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлён «образ мира», или система знаний о мире;
- мотивационный, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикой личности, т. е. систему её целей, мотивов, установок и интенциональностей» [6, с. 238]. Выделение автором в структуре уровней языковой личности лингво-когнитивного тезауруса позволяет предположить допущение автором интерпретации языковой личности как типового представителя некоторой языковой общности.

На наш взгляд, подобная понятийная разобщённость нежелательна, поскольку может привести к чрезмерному размыванию границ термина. Совершенно оправданной представляется позиция Е.В. Иванцовой, по мнению которой, «перспективы использования термина «языковая личность» связаны с обозначением конкретного носителя языка... В прочих случаях точнее было бы говорить о ТИПАХ языковых личностей» [4, с. 29].

Не существует единства среди исследователей относительно форм существования языковой личности в пространстве культуры. А.В. Маслова приводит лишь некоторые из выделяемых типов языковой личности: «полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности

(В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б. Сиротина, Т.В. Кочеткова), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная языковая личность (В.И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В.И. Шаховский)» [9, с. 120]. Однако ни в одной из обозначенных ипостасей языковой личности не отражена её потенциальная предрасположенность к диглоссии. Между тем влияние языковых подсистем на языковую норму может оказаться столь существенным, что в одном и том же идиолекте возможно сосуществование сразу нескольких наименований одного и того же понятия, выбор которого будет зависеть от ситуации общения. В этой связи мы полагаем оправданным выделение ещё одной формы языковой личности – билектальной языковой личности, или «билектика», идиолект которого формируется в условиях внутриязыковой диглоссии.

Языковая личность человека советской эпохи всегда была билектальна. Изучение «советской» составляющей русской языковой картины мира даёт нам основания не согласиться с мнением историка, замечательного писателя, философа и публициста Р. Медведева, утверждающего, что «язык языку не враг» [10]. Целиком национализированное государство советский «новояз» насаждался и культивировался коммунистами как универсальный заменитель русского языка. Нормальный язык оказался не в полной мере пригодным для осуществления необходимых преобразований, в то время как идеологическая ортология в полной мере позволяла «навязать» говорящим картину мира советской пропаганды: «Тоталитарный язык советской эпохи выработал систему идеологем и мифологем, охваченных единой мировоззренческой установкой, которая в значительной степени обеспечивала простоту восприятия бинарных оппозиций, взаимоисключающих оценок, устанавливала правила функциони-

рования идеологических конструктов, стереотипных представлений о *своём* и *чужом / чуждом*» [8, с. 186]. Кроме того, учитывая «активный, наступательный, деятельно-преобразующий характер» всепроникающей советской пропаганды, соответствующая картина мира навязывалась в непостижимо короткие сроки, вопреки мнению И.Т. Вепревой, полагающей, что «людям, чья социализация прошла в рамках прежней общественной системы, невозможно в короткие сроки кардинальным образом изменить мировоззренческие установки» [3, с. 334]. Иными словами, тоталитарный язык в императивной форме диктовал стереотипную модель поведения, формируя определённую систему ценностей в языковой картине мира своих носителей, путём создания представлений, «таящихся» «в неассертивных компонентах семантики языковых единиц: пресуппозициях, коннотациях, фоновых компонентах значения» [11, с. 171]. Вместе с тем в реальном советском обществе «новояз» не вытеснил обыденный язык, а существовал параллельно с ним.

Схожий механизм возникновения внутриязыковой диглоссии – русско-лагерной диглоссии – существовал и в лагерной антицивилизации. Отгороженность от социума, специальные условия жизни вынуждали обитателей этих изолированных сообществ постепенно вырабатывать свой социолект. Переход в лагерь разрушал русско-“новоязную” диглоссию и порождал новую, русско-лагерную, когда в лексиконе заключённых на месте советского “новояза” постепенно утверждался лагерный социолект. В человеке этот *квази*-язык жил, сохранялся в его письмах, которые ему было разрешено писать два раза в год, постепенно распространялся и унифицировался через этапы и пересылки. Лагерный социолект становился активной формой языка, а его носители – билектальными языковыми личностями. Подобное «расширение», или «раздвоение», языковой личности обитателя лагерей, безусловно, было трагичным для человека русской истории, русской культуры.

Возвратившись (те, кто выжил), узники лагерей могли вернуться к своему изначальному идиолекту, однако лагерный социолект, пусть даже на правах рецессивного признака, чаще всего уже навсегда становился неотъемлемой частью языковой личности бывшего заключённого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аникин Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2004. – 205 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 317 с.
3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
4. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. – Серия «Филология». – 2010. – № 4 (12). – С. 24-32.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. Кобенко Ю.В. Метагlossные параметры языковой эволюции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 3 (7). – С. 88-91.
8. Купина Н.А. Советские идеологические традиции сегодня // Советское прошлое и культура настоящего. – Том 2. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. – С. 186-208.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004. – 208 с.
10. Медведев Р. Язык языку не враг (Русский язык как международный на просторах СНГ) [Электронный ресурс] // Политику нет: новости, политика, народовластие: [сайт]. [2009]. – URL: <http://politiky.net/node/1211> (дата обращения: 23.09.2013).
11. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху // Советское прошлое и культура настоящего. – Том 2. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. – С. 171-185.
12. Ferguson Ch. Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959-1994. – New York: Oxford University Press, 1996. – 360 p.